

МЕЛОДИ
Айин

Запретная Любовь
ПОДЗЕМНОГО ВЛАДЫКИ

18+

ИЗ ГЛУБИН ПРЕИСПОДНЕЙ ОН ПРИШЕЛ ЗА НЕЙ,
ЧТОБЫ ЗАБРАТЬ В СВОЙ МИР ТЕНЕЙ

Мелоди Лейн

Запретная любовь

Подземного Владыки

<https://litres.ru/74131577>

SelfPub; 2026

Аннотация

Юная Сяо Мэй, чья жизнь была подобна нежному цветку жасмина, и не подозревала о древнем долге своей семьи. Сотни лет назад ее предок заключил сделку с Юду, Подземным Царством, обменяв душу первенца каждого поколения на несметные богатства и власть. Теперь пришло время платить, и за ней явился сам Владыка теней, Фэн Ли. Он - древнее, могущественное существо, чьи глаза цвета расплавленного золота видели падение династий, а сердце не знало тепла. Забрав невинную девушку в свой мрачный, но величественный мир, он намеревался сделать ее своей игрушкой, платой по договору. Но хрупкая смертная пробудила в нем нечто большее, чем простое чувство собственности - запретную, всепоглощающую страсть, способную либо сжечь дотла оба их мира, либо подарить им вечность.

Содержание

Глава 1. Невинная плата. Фэн Ли	4
Глава 2. Пение иволги. Сяо Мэй	10
Глава 3. Шепот на ухо. Фэн Ли	15
Глава 4. Небо из обсидиана. Сяо Мэй	20
Глава 5. Пища подземного мира. Фэн Ли	26
Глава 6. Стена из молчания. Сяо Мэй	32
Глава 7. Тихий бунт нежного цветка. Фэн Ли	38
Глава 8. Песнь нефритовой флейты во тьме. Сяо Мэй	43
Глава 9. Несовершенная мелодия. Фэн Ли	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Мелоди Лейн

Запретная любовь

Подземного Владыки

Глава 1. Невинная плата. Фэн Ли

Время в Юду течет иначе. Оно не струится песчинками в клепсидре, не отмеряется сменой лун. Здесь оно - густая, неподвижная смола, в которой вязнут тысячелетия. Я сижу на троне из цельного обсидиана, холод которого не чувствует моя кожа, и наблюдаю за танцем теней в великом зале. Они - мои слуги, мои мысли, мое единственное развлечение в этой вечной полутьме. Потолок моего дворца - зеркало ночного неба мира смертных, усыпанное украденными звездами, но их свет холоден и мертв. Он не греет.

Я - Фэн Ли, Владыка Юду, Царства Теней. Династии людей для меня - лишь рябь на воде. Я видел, как они рождаются из огня и амбиций и как обращаются в прах, забытые всеми, кроме меня. Их клятвы, их сделки, их кровные долги - все это хранится здесь, в архивах моей памяти, высеченное на нефритовых свитках.

Сегодня очередной такой долг требует уплаты.

Я поднимаю руку, и тени замирают. На моем пальце покоится кольцо из черного нефрита. Кроваво-красный рубин в его сердце, кажется, пульсирует, вбирая в себя призрачный свет звезд. Сотни лет назад один самонадеянный смертный, глава клана Сяо, возжелал власти и богатства, которые не мог заслужить. Он пришел на границу миров, на коленях умоляя меня о милости. Я дал ему то, что он просил. В обмен он пообещал мне душу первенца каждого нового поколения своей семьи. Глупец. Он думал, что сможет обмануть вечность.

Пришло время забрать плату. Десятое поколение. Девушка.

Легким движением воли я меняю свое облачение. Величественное ханьфу из черного шелка, расшитое серебряными драконами, растворяется, сменяясь скромными, но добротными одеждами богатого путешественника из темной ткани. Длинные волосы, обычно распущенные или собранные в сложную прическу, я перехватываю простой кожаной лентой в высокий хвост. Моя сила сворачивается внутри, словно спящий змей, оставляя лишь ауру властности и холода, которую смертные примут за высокомерие. Я не хочу привлекать лишнего внимания. Шум, суeta, яркость их мира утомляют.

Шаг - и я уже не в тронном зале. Я стою в тени плакучей ивы на окраине шумного города Ланьчжоу. Солнечный свет режет глаза, привыкшие к сумраку. Воздух наполнен тысячей запахов: пряности, пыль, цветущие сливы, пот и жизнь. Все это вызывает у меня лишь легкое отвращение. Мир людей хрупок, мимолетен и грязен.

Я иду по улицам, не глядя на торговцев, зазывающих купить их товары, и на смеющихся женщин с расписными веерами. Мои чувства настроены на иное - на тонкую нить крови, на эхо древнего договора. Она ведет меня безошибочно, сквозь лабиринты улочек, к богатому поместью клана Сяо. Их процветание построено на моей силе. Каждый камень в их стене - мой.

Стражники у ворот не смеют меня остановить. Они опускают глаза, чувствуя холод, исходящий от меня, принимая меня за важного гостя, которого не стоит злить. Я прохожу вглубь сада. Здесь, среди искусственных скал и цветущих пионов, я чувствую ее присутствие.

И я вижу ее.

Она сидит у небольшого пруда с карпами кои, перебирая струны гуциня. Мелодия - простая, немного наивная, но чистая, как родниковая вода. На ней светло-сиреневое хань-

фу, на тонкой шее - кулон из белого нефрита в форме лотоса. Длинные, густые волосы цвета горького шоколада не собраны, а свободно волнами ниспадают на хрупкие плечи. Несколько белых цветков жасмина вплетены в пряди, и их сладкий аромат доносится до меня даже отсюда.

Она смеется, разговаривая со служанкой, и этот смех, словно маленький серебряный колокольчик, диссонирует с вечной тишиной моего мира. Она невысока, хрупка, словно фарфоровая статуэтка. В ее больших темно-карих глазах отражается чистое небо. Невинность. Вот слово, которое приходит на ум. Незамутненная, нетронутая чистота.

Она - моя плата. Моя вещь. Моя игрушка на ближайшее столетие, пока мне не наскучит.

Но, глядя на нее, я впервые за долгие века чувствую нечто, похожее на... интерес. Не просто чувство собственности, а нечто иное. Желание увидеть, как эти чистые глаза потемнеют от страха. Услышать, как этот мелодичный смех сменится мольбами. Сломать эту фарфоровую куклу, чтобы посмотреть, что у нее внутри. Или... сохранить ее такой, нетронутой, как редчайший цветок в моем безжизненном саду.

Я отгоняю эти мысли. Чувства - удел смертных.

Я прохожу мимо нее, направляясь прямо в главный дом. Мое появление в зале прерывает чаепитие главы клана, Сяо Вэня, прапраправнука того глупца, что заключил сделку. Он смотрит на меня с недоумением, затем с нарастающим ужасом, когда узнает в моих глазах отблеск того же золота, о котором ему рассказывали в страшных легендах.

- Вы... - его голос дрожит, чашка выпадает из рук и разбивается о каменный пол.

- Я пришел за платой, - мой голос тих, но в нем звучит тяжесть тысячелетий. Он заполняет комнату, и слуги падают на колени, не в силах вынести моего присутствия. - Договор.

- Молю вас, господин... - лепечет он, его лицо становится белым, как полотно. - Возьмите все, что у меня есть! Золото, нефрит, земли... Только не ее! Она... она еще дитя!

- В договоре указан первенец. Не золото, - отрезаю я. Мои глаза цвета расплавленного золота не выражают ничего, кроме холодной непреклонности. - Твой предок сделал свой выбор. Теперь плати по его счетам.

В этот момент в зал входит она, Сяо Мэй. Она услышала звон разбитой чашки и пришла узнать, что случилось. Увидев бледного отца и меня, она замирает на пороге. Ее взгляд,

полный невинного любопытства, встречается с моим.

В нем плещется страх. Она чувствует, кто я. Ее смертная душа трепещет перед моей древней сущностью.

Я игнорирую ее отца, который уже рыдает, уткнувшись лицом в пол. Я делаю шаг к ней. Она инстинктивно отступает, упираясь спиной в дверной косяк.

- Ты, - произношу я, и это слово звучит как приговор.

Я протягиваю руку. Я не касаюсь ее, но она чувствует мою волю, мою силу, которая невидимыми путами сковывает ее. Она не может убежать. Не может закричать.

- Время платить, маленький жасмин.

Я вижу, как в ее больших карих глазах отражается мой силуэт, как они наполняются слезами ужаса и непонимания. И в этот миг я понимаю, что эта хрупкая смертная девушка станет не просто платой по договору. Она станет моим наваждением.

Глава 2. Пение иволги. Сяо Мэй

Утро началось, как и сотни других до него. С пения иволги за окном моей спальни, с тонкой полоски рассветного солнца, пробивающейся сквозь шелковые ширмы, и с тонкого аромата жасмина из сада, который приносил легкий ветерок. Я потянулась на своей кровати, чувствуя приятную негу во всем теле. Сегодня был хороший день. Отец обещал, что после обеда мы отправимся в город на ярмарку, и, возможно, он позволит мне зайти в лавку господина Вана, где продаются лучшие кисти и тушь для каллиграфии.

Моя служанка и подруга детства, Линь, уже ждала меня с тазом теплой воды, настоящей на лепестках роз.

- Доброе утро, юная госпожа, - улыбнулась она, помогая мне подняться. - Вы сегодня особенно прекрасны. Словно только что распустившийся бутон пиона.

Я рассмеялась, плеснув на нее водой.

- А ты льстишь, как всегда. Наверное, хочешь, чтобы я выпросила у отца для тебя ту расписную заколку, на которую ты вчера смотрела?

Линь покраснела, и мы обе засмеялись. Моя жизнь была простой и понятной. Я - Сяо Мэй, единственная дочь главы процветающего клана. Мой мир состоял из уроков музыки, вышивания, каллиграфии и прогулок по саду. Я знала, что однажды отец найдет мне достойного мужа, и моя жизнь потечет по иному руслу, но этот день казался таким далеким.

После утреннего туалета я надела свое любимое светло-сиреневое ханьфу, расшитое белыми цветами сливы. Линь помогла мне расчесать мои длинные волосы, которые всегда немного вились, что считалось необычным, и вплела в них несколько свежесрезанных цветков жасмина. Я надела на шею свой талисман - нефритовый кулон в виде лотоса, подарок матери. Он всегда был прохладным на ощупь и дарил мне чувство спокойствия.

День тек неторопливо и приятно. Я провела час в саду, играя на гуцине у пруда. Яркие карпы кои подплывали к самому краю, словно слушая мою незамысловатую мелодию. Я чувствовала себя частью этого гармоничного мира: шелеста бамбука, журчания воды, тепла солнца на щеках.

Но потом что-то изменилось.

Сначала это было едва уловимое ощущение. Легкий холодок пробежал по спине, хотя солнце все так же светило.

Мелодия, которую я играла, вдруг показалась мне фальшивой. Я подняла голову и огляделась. Сад был все тем же, но я почувствовала на себе чей-то взгляд. Тяжелый, пронзительный, от которого хотелось съежиться и спрятаться. Я никого не увидела, но ощущение не проходило. Оно было похоже на тень от тучи, внезапно набежавшей на солнце.

Вскоре я услышала из главного дома звон разбитой посуды. Встревожившись, я оставила гуцинь и поспешила внутрь. Что могло случиться?

На пороге зала я замерла. Мой отец, всегда такой сильный и уверенный, стоял на коленях, его лицо было искажено ужасом. Перед ним, спиной ко мне, возвышалась фигура незнакомца. Он был одет в темные дорожные одежды, но от него исходила такая мощь и холод, что воздух в комнате, казалось, застыл.

Именно он был источником того леденящего взгляда.

- Отец? Что происходит? - прошептала я, и мой голос прозвучал испуганно и неуместно в гнетущей тишине.

Незнакомец медленно обернулся. И я утонула. Утонула в его глазах. Они были нечеловеческого цвета - цвета расплавленного, кипящего золота. В них не было ни тепла, ни сочув-

ствия, лишь древняя пустота и безграничная власть. Он был высок, с резкими, но красивыми чертами лица, а его длинные черные волосы были стянуты в хвост. Он был похож на темного бога, сошедшего с древней фрески.

Он сделал шаг ко мне, и я, охваченная первобытным ужасом, попятилась, пока спина не встретилась с холодным деревом дверного косяка. Все мое тело кричало: "Беги!", но ноги словно выросли в пол.

- Ты, - произнес он, и его голос, тихий и глубокий, проник мне под кожу, заставляя кровь застыть в жилах. Это было не слово, а клеймо.

Он протянул ко мне руку. Я зажмурилась, ожидая удара, боли, чего угодно. Но он не коснулся меня. Я чувствовала его волю, как физическое давление, как невидимую сеть, опутавшую меня с ног до головы. Я не могла сдвинуться с места.

Я открыла глаза и увидела, как мой отец пытается подняться, его губы шепчут мольбы, но незнакомец даже не смотрит на него. Все его внимание было приковано ко мне.

- Время платить, маленький жасмин, - сказал он.

Маленький жасмин. Он назвал меня по имени моих лю-

бимых цветов, и от этого стало только страшнее. Что это за плата? Какой долг? В голове билась только одна мысль: моя жизнь, мой светлый и понятный мир, рушится в эту самую секунду.

Мужчина развернулся и пошел к выходу, и мое тело, против моей воли, последовало за ним, словно я была марионеткой на ниточках. Я оглянулась. Я видела перекошенное от горя лицо отца, рыдающую Линь, упавшую на колени. Я пыталась закричать, позвать на помощь, но из горла вырвался лишь сдавленный всхлип.

Он вывел меня из дома, из сада, который был моим раем, через ворота, за которыми осталась вся моя жизнь. Люди на улицах шарахались от нас, опускали глаза, боясь встретиться взглядом с моим похитителем. Его рука легла на мою талию, и я вздрогнула от ледяного прикосновения сквозь ткань ханьфу. Его хватка была не сильной, но от нее было невозможно освободиться. Она была абсолютной.

Я больше не Сяо Мэй, дочь главы клана. Я - плата. Я - вещь, которую забирает существо с глазами из расплавленного золота. И когда он повел меня прочь от залитых солнцем улиц в темный, тихий переулок, я поняла, что больше никогда не увижу солнца.

Глава 3. Шепот на ухо. Фэн Ли

Я веду ее сквозь город. Смертные расступаются перед нами, как вода перед носом корабля. Они не видят моей истинной сути, но их животный инстинкт кричит им об опасности. Они чувствуют хищника, идущего среди них. Они опускают глаза, боясь привлечь мое внимание. Они правы.

Девушка рядом со мной дрожит. Я чувствую это всем телом - ее легкую дрожь, передающуюся мне через мою руку, властно лежащую на ее талии. Она пытается идти ровно, сохранить остатки достоинства, но ее ноги подкашиваются. Хрупкая. Такая хрупкая, что, кажется, сожми я руку чуть сильнее, и она сломается. Это ощущение вызывает во мне странное, темное удовлетворение.

Она молчит. Не плачет, не кричит, не умоляет. Лишь изредка из ее груди вырывается сдавленный всхлип, который она тут же пытается подавить. Ее молчаливое сопротивление, ее попытка сохранить лицо перед лицом неодолимой силы забавляют меня. Это куда интереснее, чем истеричные вопли, которые я ожидал услышать.

Я веду ее в заброшенный квартал на окраине города. Здесь дома давно покинуты, а улицы заросли сорняками.

Идеальное место, чтобы открыть врата, не привлекая лишних свидетелей. Запах гнили и запустения смешивается с тонким, сладким ароматом жасмина, исходящим от ее волос. Этот контраст - гниение смертного мира и ее чистый запах - почему-то остро режет мое обоняние.

Она спотыкается о камень, и я удерживаю ее, притягивая ближе к себе. На мгновение ее тело полностью прижимается к моему. Она напрягается, как пойманная птица. Под тонким шелком ее ханьфу я чувствую, как бешено колотится ее сердце. Тук-тук-тук. Быстрый, испуганный ритм жизни. Ритм, которого лишено мое собственное сердце, давно уже не бьющееся, а лишь гоняющее по венам темную энергию.

- Не сопротивляйся. Это бесполезно, - говорю я ей на ухо. Мой голос - тихий шепот, но он заставляет ее вздрогнуть сильнее, чем если бы я закричал.

Я смотрю на нее. На изгиб ее шеи, где пульсирует тонкая жилка. На влажные от непролитых слез ресницы. На ее губы, приоткрытые в беззвучном протесте. Я ощущаю внезапный, почти первобытный импульс - наклониться и попробовать их на вкус. Узнать, так ли они сладки, как ее аромат.

Я сдерживаю себя. Не сейчас. У нас впереди вечность. Игры должны быть долгими, чтобы приносить удовольствие.

Мы останавливаемся в центре разрушенного двора, где когда-то, должно быть, был небольшой храм. Статуя божества расколота, алтарь покрыт мхом. Здесь граница между мирами истончена.

Я отпускаю ее. Она тут же отшатывается от меня на несколько шагов, глядя с ужасом и недоверием. В ее глазах я вижу вопрос: "Что теперь?"

Я поднимаю руку, и воздух перед нами начинает вибрировать, темнеть. Он сгущается, превращаясь в разрыв, в чернильную кляксу на ярком полотне дня. Из разлома тянет холодом и запахом озона, запахом моего дома. Юду.

Лицо девушки искажается от ужаса. Она понимает, что я - не просто человек. Не бандит, не злой вельможа. Я нечто худшее. Нечто, чему нет имени в ее маленьком, уютном мире. Она делает шаг назад, потом еще один, ее глаза мечутся в поисках пути к отступлению. Глупая девочка. От меня некуда бежать.

- Подойди, - приказываю я.

Она качает головой, ее губы беззвучно шепчут "нет".

В ее глазах вспыхивает искра непокорности. Первое открытое неповиновение. Интересно. Я мог бы принудить ее, заставить ее тело двигаться против воли, как раньше. Но я хочу, чтобы она сделала этот шаг сама. Чтобы она поняла, что ее воля больше ничего не значит.

Я медленно иду к ней. С каждым моим шагом ее решимость тает, сменяясь паникой. Она пятится, пока не упирается в полуразрушенную стену. Путь отрезан. Я останавливаюсь прямо перед ней, возвышаясь над ее маленькой фигуркой. Я вижу свое отражение в ее расширенных от страха зрачках.

- Я не повторяю дважды, Сяо Мэй, - я произношу ее имя, и оно звучит как ласка и угроза одновременно.

Я протягиваю руку, на этот раз не для того, чтобы схватить, а предлагая. Это иллюзия выбора. Выбор между тем, чтобы пойти добровольно, или быть взятой силой. Она смотрит на мою руку, потом на портал, из которого уже струятся видимые глазу клочья тьмы, потом снова на меня.

Слеза, которую она так долго сдерживала, наконец срыгается с ресницы и катится по щеке. Медленно, словно не веря в происходящее, она вкладывает свою дрожащую ладонь в мою.

Ее кожа на ощупь как самый тонкий шелк, теплая, живая. Моя же - холодна, как камень из глубин Юду. Контраст почти болезненный. Я сжимаю ее пальцы. Теперь она моя. Окончательно.

Я веду ее к разлому. Она идет, опустив голову, ее плечи поникли. Вся ее борьба угасла. У самого портала она на миг замирает, бросая последний, прощальный взгляд на мир, залитый солнечным светом. На небо, на зелень сорняков, пробившихся сквозь камни.

Издает тихий, жалобный всхлип, полный такого отчаяния, что он мог бы тронуть даже каменное сердце.

Но мое сердце не из камня. Его просто нет.

Я делаю шаг, увлекая ее за собой во тьму, в вечный сумрак моего царства. Мир смертных исчезает за нашими спинами, словно его никогда и не было.

Глава 4. Небо из обсидиана. Сяо Мэй

Один шаг. Всего один шаг отделил мою прошлую жизнь от этого... места.

Миг, и теплое солнце, запах пыли и травы, пение цикад - все исчезло. словно кто-то резко задернул тяжелый занавес перед моими глазами. Меня окутал холод. Не просто прохлада, а пронизывающий до костей, мертвый холод, от которого застывает дыхание. Воздух здесь был другим - разреженным, пахнущим грозой, камнем и чем-то еще, незнакомым и тревожным, как запах увядающих, неземных цветов.

Я осмелилась поднять глаза. И ахнула.

Мы стояли на краю обрыва из черного, отполированного до блеска камня. Внизу, насколько хватало глаз, расстилался город. Но это был не человеческий город. Исполинские строения, похожие на изогнутые клинки и застывшие языки пламени, тянулись к небу. Небу, которого не было. Вместо него над головой висел непроницаемый свод из темного обсидиана, в котором, словно вкрапленные алмазы, горели холодные, неподвижные звезды. Не было ни солнца, ни

луны, лишь этот призрачный, мертвенный свет, заливавший все вокруг ровным, тоскливым сиянием. Вечные сумерки.

Мой похититель отпустил мою руку. Я пошатнулась, едва не упав на колени. Его присутствие здесь ощущалось в тысячу раз сильнее. В мире людей он был пугающей аномалией, тенью под ярким солнцем. Здесь же он был всем. Он был частью этого мира, его средоточием, его хозяином. Его скромные дорожные одежды исчезли. Теперь на нем было черное, как сама ночь, ханьфу из струящегося шелка, расшитое тонкими серебряными нитями, которые складывались в узор извивающихся драконов. Эти драконы казались живыми, их чешуйки мерцали в призрачном свете.

Он стал выше, величественнее. Его золотые глаза теперь не просто горели, они излучали свет, словно два маленьких солнца в этом царстве тьмы. Он больше не был похож на человека. Он был духом, демоном, богом - я не знала, но понимала, что он бесконечно далек от всего, что я когда-либо знала.

- Добро пожаловать в Юду, Сяо Мэй, - его голос разнесся в неподвижном воздухе, лишенный всякого тепла. - В твой новый дом.

Дом. Это слово прозвучало как насмешка. Это место не

могло быть домом. Это была гробница. Величественная, прекрасная, но гробница.

Из теней за его спиной бесшумно выскользнули две фигуры. Они были сотканы из дыма и сумрака, их очертания постоянно менялись. У них не было лиц, лишь пустота под капюшонами. Они поклонились ему, не издав ни звука.

- Приготовьте ее, - бросил он, даже не взглянув в мою сторону. Для него я, кажется, перестала существовать в тот миг, как он отдал приказ.

Он развернулся и пошел прочь, к огромному дворцу, что возвышался в центре этого мертвого города. Его шагов не было слышно. Он просто плыл над черным камнем.

Безликие слуги приблизились ко мне. Я отшатнулась, сердце заколотилось в горле. Я хотела закричать, но голос пропал. Одна из теневых фигур протянула ко мне руку, сотканную из дымки. Я зажмурилась, но прикосновение было невесомым, холодным, как дуновение ветра из склепа.

Они повели меня. Я не сопротивлялась. Куда бежать в этом мире? От кого искать помощи? Я была одна. Бесконечно, абсолютно одна.

Меня провели через исполинские ворота дворца, по бесконечным коридорам, где стены были украшены резьбой, изображающей сцены страданий и битв. Тишина давила на уши. Здесь не было жизни. Только я и эти безмолвные тени.

Наконец, меня привели в покои. И снова я была поражена. Комната была огромной и роскошной до неправдоподобия. Кровать с пологом из черного шелка, стол из цельного нефрита, ширмы, расписанные туманными горными пейзажами, которые, казалось, движутся. В углу стояла большая купель из белого мрамора, уже наполненная темной, ароматно пахнущей водой.

Но это была золотая клетка. Здесь не было окон. Ни единого окна, выходящего наружу. Лишь гладкие стены и эти завораживающие, но пугающие ширмы.

Тени указали мне на купель, а затем на стопку одежды, лежавшую на кровати. Это было ханьфу из тончайшего, почти прозрачного темно-синего шелка. Затем они так же беззвучно удалились, растворившись в тенях у двери.

Я осталась одна. Я подошла к большому зеркалу в серебряной раме. Из него на меня смотрела незнакомая девушка. Бледная, с огромными, полными ужаса глазами. Цветы жасмина в моих волосах завяли и почернели от мертвого возду-

ха этого места. Я вытащила их, и они рассыпались прахом в моей ладони.

И тут плотина прорвалась.

Я упала на колени перед зеркалом и зарыдала. Беззвучно, сотрясаясь всем телом, глотая слезы отчаяния и бессилия. Я плакала о своем доме, об отце, о подруге Линь, о солнце, о пении птиц, о своей потерянной жизни. Все, что я любила, было отнято у меня. Я была игрушкой, вещью, платой за древний долг в руках безжалостного существа.

Я плакала долго, пока слезы не иссякли, оставив лишь ноющую пустоту внутри. Я подняла голову и снова посмотрела на свое отражение. Лицо было красным и опухшим, но во взгляде появилось что-то новое.

Он хочет меня сломать. Сделать своей покорной куклой. Но я - Сяо Мэй из клана Сяо. Мой род славился не только богатством, но и стойкостью. Он может владеть моим телом, он может держать меня в этой золотой клетке до конца моих дней. Но он не получит мою душу. Я не сдамся. Я буду жить. И, возможно, однажды я найду способ вырваться из этого мира теней.

Эта мысль, слабая, как огонек свечи на ветру, затеплилась

в моей душе. Я встала на ноги. Я пленница, но я не рабыня. И я не позволю этому сумрачному миру поглотить меня без остатка.

Глава 5. Пища подземного мира. Фэн Ли

Я сижу в своем кабинете, перед гладкой чашей из черного нефрита, наполненной водой из реки Забвения. Легкое движение моей воли - и на поверхности воды появляется изображение. Покои, которые я приказал для нее приготовить. И она сама.

Я наблюдаю.

Сначала она стоит, потерянная, в центре роскошной комнаты, словно маленький зверек, попавший в незнакомый лес. Затем она подходит к зеркалу. Я вижу, как она вынимает из волос почерневшие цветы жасмина, как они рассыпаются прахом в ее ладони. Символично. Все, что принадлежало ее миру, здесь обратится в тлен.

А затем она ломается.

Ее хрупкое тело сотрясается от беззвучных рыданий. Она падает на колени, и ее плечи дрожат. Я наблюдаю за этим без тени сочувствия. Слезы - вода. Они бесполезны. Они не изменяют ни древний договор, ни ее судьбу. Я ожидал этого. Я

видел слезы императриц и наложниц, чьих мужей я забирал в свое царство. Видел слезы воинов, проигравших свою последнюю битву. Ее горе - лишь еще одна капля в безбрежном океане человеческих страданий, который я созерцаю веками.

Но потом происходит нечто иное. Она перестает плакать. Она поднимает голову, и я вижу ее отражение в зеркале, отраженном в моей чаше. Ее лицо опухло, оно мокрое от слез, но во взгляде... во взгляде больше нет того животного ужаса, что был раньше. Там появилось что-то еще. Твердость. Упрямство. Огонь, который, как я думал, должен был погаснуть.

Она встает. Ее движения все еще не уверены, но в них уже нет паники. Она смотрит на себя, на свою новую клетку, и я почти физически ощущаю, как она принимает решение. Не сдаваться.

Интересно. Весьма интересно.

Большинство смертных, попав сюда, либо сходят с ума от вечной тьмы и тишины, либо впадают в апатию, превращаясь в безвольные тени самих себя. Но в этой хрупкой оболочке живет дух, который не желает гаснуть. Возможно, эта игрушка окажется куда более занимательной, чем я предполагал. Приручение дикого сокола всегда доставляет больше

удовольствия, чем игра с ручной голубкой.

Я взмахом руки гашу изображение. Время для первого урока. Урока подчинения.

Я отдаю безмолвный приказ своим теневым слугам. Они приведут ее ко мне, когда я буду готов. Я перехожу в малый трапезный зал. Здесь все готово для ужина на двоих. Низкий стол из эбенового дерева, подушки из темного парчового шелка. На столе - блюда, которые смертный человек никогда не пробовал. Бледно-лиловые фрукты, что растут лишь в садах безмолвия, тонко нарезанное мясо пещерной саламандры, чаши с темно-рубиновым вином, которое пьянит не разум, а душу.

Я жду. Тишина в моем дворце абсолютна. Она нарушается лишь появлением Сяо Мэй в дверях.

Мои слуги омыли ее и переодели. На ней то самое ханьфу из темно-синего, почти прозрачного шелка, что я выбрал. Оно облегает ее хрупкую фигуру, подчеркивая тонкую талию и небольшую грудь. Темная ткань контрастирует с ее бледной кожей, делая ее похожей на лунный свет, пробившийся в подземелье. Ее волосы распущены и волнами стекают по спине, влажные после омовения. Она выглядит как прекрасный, печальный дух. И она - моя.

Она останавливается, не решаясь войти. Ее взгляд мечется по залу, но неизменно возвращается ко мне. В нем страх, но и то самое упрямство, что я видел в чаше.

- Подойди, - мой голос звучит ровно и властно.

Она медлит секунду, но подчиняется. Она подходит к столу и замирает, не зная, что делать. Она не садится.

- Сядь, - указываю я на подушку напротив себя.

Снова короткая пауза, и она опускается на подушку, стараясь держать спину прямо, как ее учили. Ее поза выдает в ней воспитанную дочь благородного семейства, но дрожащие кончики пальцев говорят о страхе.

Я молча беру палочки из черного серебра и пробую одно из блюд. Она не двигается. Она даже не смотрит на еду, ее взгляд устремлен куда-то в стену за моей спиной.

- Ты не голодна? - спрашиваю я, хотя знаю ответ.

Она вздрагивает от моего голоса, но не отвечает. Ее молчание - это ее единственное оружие. Детский, наивный бунт.

- В моем доме мои гости едят то, что я предлагаю, - продолжаю я тем же ровным тоном. - А ты не гостья. Ты - моя собственность. Ты будешь есть, когда я скажу. И то, что я скажу.

Она сжимает губы в тонкую линию. Ее подбородок едва заметно дрожит.

Я откладываю палочки. Медленно поднимаюсь и обхожу стол. Я опускаюсь на колени рядом с ней. Она инстинктивно пытается отодвинуться, но я кладу руку на ее плечо, удерживая на месте. Мои холодные пальцы сквозь тонкий шелк обжигают ее кожу. Я чувствую, как она вся напряглась.

Беру с блюда дольку бледно-лилового фрукта. Его сок, темный и сладкий, стекает по моим пальцам.

- Открой рот, - приказываю я.

Она мотает головой, ее глаза расширены от ужаса, в них блестят слезы. Она смотрит на меня, как на чудовище. Так и есть.

- Я не хочу повторять, Сяо Мэй.

Ее губы остаются плотно сжатыми. Что ж. Урок нужно

усвоить. Моей второй рукой я обхватываю ее подбородок. Моя хватка не грубая, но непреклонная. Я ощущаю под пальцами нежную кожу и тонкую кость ее челюсти. С легким нажимом я заставляю ее приоткрыть рот. Она издает тихий, сдвленный звук протеста.

Я подношу фрукт к ее губам и вкладываю его внутрь.

На мгновение она замирает, не зная, что делать. Затем я вижу, как она сглатывает. Ее ресницы дрожат, и по щеке катится одинокая слеза. Слезка унижения и бессилия.

- Хорошая девочка, - шепчу я ей на ухо, чувствуя, как она содрогается от моего дыхания. - Ты быстро учишься.

Я отпускаю ее и возвращаюсь на свое место. Она сидит, опустив голову, и я вижу, как ее плечи мелко дрожат. Первая битва проиграна. Она съела пищу из моей руки. Она приняла частицу моего мира в себя.

Я молча продолжаю ужин. Она больше не поднимает глаз. Но я знаю - огонек в ней не погас. Он лишь затаился, обжигая ее изнутри. И это значит, что наша игра только начинается. Мне предстоит долго и со вкусом приручать этот дикий цветок, пока каждый его лепесток не будет принадлежать лишь мне.

Глава 6. Стена из молчания. Сяо Мэй

Пустота. После потока слез внутри осталась лишь звенящая, холодная пустота. Я сидела на полу своей роскошной тюрьмы, пока не почувствовала, что ноги затекли. Я должна встать. Должна что-то делать. Просто сидеть и ждать - значит позволить этому месту, этому Владыке, поглотить меня.

Мой взгляд упал на купель с темной, ароматной водой. Мысль о том, чтобы смыть с себя дорожную пыль и липкий страх, показалась спасительной. Это было простое, понятное действие. Что-то, что я все еще могла контролировать.

Я разделась, и мое сиреневое ханьфу, последнее напоминание о доме, упало на пол безжизненной грудой шелка. Когда в купели оказалась теплой, почти горячей. Я погрузилась в нее, и аромат незнакомых трав окутал меня. Я терла кожу, пытаясь смыть не грязь, а ощущение его взгляда на себе, память о его ледяной хватке. Но это было бесполезно. Казалось, его прикосновение въелось в мою душу.

Выйдя из воды, я увидела на кровати темно-синее ханьфу. Шелк был тончайшим, почти невесомым, и охлаждал кожу.

Я надела его, чувствуя себя чужой в собственном теле. Эта одежда не была моей. Она была выбрана для меня. Каждый мой шаг теперь будет продиктован его волей.

В этот момент в тених у двери сгустились две фигуры. Безликие слуги. Я вздрогнула, отступая на шаг. Они не произнесли ни слова, лишь указали мне путь из комнаты. Мое сердце заколотилось. Куда они меня ведут? К нему?

Я шла за ними по бесконечным, гулким коридорам. Каждый мой шаг эхом отдавался от каменных стен, украшенных пугающей резьбой. Я старалась не смотреть на изображения мучений и битв, но они все равно отпечатывались в сознании. Этот дворец был памятником жестокости и власти.

Меня привели в зал, где за низким столом уже сидел он. Владыка Юду. Фэн Ли. Здесь, в своем мире, он выглядел еще более пугающе и величественно. Свет от холодных звезд на потолке играл на серебряной вышивке его ханьфу, и казалось, что драконы на ткани шевелятся. Его золотые глаза впились в меня, как только я вошла.

"Подойди", - приказал его голос, и я подчинилась, потому что знала - сопротивление бессмысленно и опасно.

"Сядь".

Я села на подушку, чувствуя себя мышью перед огромным змеем.

На столе стояли блюда, каких я никогда не видела. Еда выглядела странно, цвета были ненатуральными, а запахи - резкими и чужими. Я не могла заставить себя прикоснуться к ней. Мой желудок сжался в тугой комок. Мысль о еде вызвала тошноту. Я думала о простом рисе и овощах, которые готовила наша кухарка, о теплых булочках с ярмарки, о сладких персиках из нашего сада. Эта еда была частью дома, частью моей жизни. А пища на этом столе была частью моего плена. Есть ее - значило смириться, принять этот мир.

Я не могла.

Я сидела, уставившись в одну точку, пытаюсь мысленно построить вокруг себя стену. Я чувствовала его взгляд, тяжелый, изучающий. Он знал, что я делаю. Знал о моем маленьком, отчаянном бунте.

Его слова о том, что я его собственность, ударили как пощечина. Я знала это, но услышать их, произнесенных его холодным, ровным голосом, было невыносимо.

А потом он встал. Я сжалась, когда он обошел стол и опу-

стился рядом со мной. Его близость была удушающей. Я чувствовала холод, исходящий от него, и тонкий, едва уловимый запах озона и камня. Он положил руку мне на плечо, и я замерла, боясь дышать.

Я видела, как он взял пальцами дольку странного фрукта. Видела, как он поднес ее к моим губам.

"Открой рот".

Нет. Никогда. Я сжала губы так сильно, что заболели челюсти. Я мотнула головой, моля его глазами остановиться. В этот миг я ненавидела его так сильно, что, будь у меня кинжал, я бы вонзила его ему в сердце. Если оно у него есть.

Его пальцы сомкнулись на моем подбородке. Его хватка была точной и сильной. Я почувствовала себя беспомощной куклой в его руках. Он без видимого усилия заставил меня приоткрыть рот. Унижение обожгло меня изнутри.

И я почувствовала на языке прикосновение холодного фрукта. Вкус был странным - приторно-сладким, с горьким послевкусием. Против воли я сглотнула. И в этот момент что-то внутри меня сломалось окончательно. По щеке скатилась горячая слеза. Не от страха или горя. От бессильной ярости.

- Хорошая девочка. Ты быстро учишься, - прошептал он мне на ухо, и его дыхание остудило мою мокрую от слез щеку.

Он отпустил меня и вернулся на свое место. А я сидела, поглощенная своим позором. Он не просто заставил меня съесть это. Он показал мне, что моя воля ничего не значит. Что мое тело не принадлежит мне. Он мог делать со мной все, что угодно, и я не смогу ему помешать.

Он закончил ужин в тишине, а затем встал и ушел, не сказав больше ни слова, не удостоив меня даже взглядом. Словно я была не более чем предметом мебели.

Тени-слуги отвели меня обратно в мои покои. Я подошла к кровати и рухнула на нее лицом в подушки из черного шелка. И только тогда дала волю рыданиям. Но это был уже не тихий, скорбный плач. Я рыдала громко, в голос, сотрясаясь от гнева и ненависти. Я била кулаками по кровати, пока не сбила костяшки.

Он выиграл этот бой. Но он не выиграл войну. Сегодня он заставил меня плакать от унижения. Но однажды, клянусь всеми богами и духами предков, я заставлю его пожалеть о том дне, когда он пришел за мной. Этот огонь внутри меня,

который он хотел погасить, теперь разгорелся в настоящее
пламя. Пламя ненависти.

Глава 7. Тихий бунт нежного цветка. Фэн Ли

Я слышал ее.

Даже сквозь толщу обсидиановых стен и этажей, ее ярость и боль донеслись до меня тонкой, вибрирующей нитью. Я не слышал звука ее рыданий или ударов кулаков о шелк, но я чувствовал всплеск ее эмоций - горячий, яростный, живой. Словно в моем упорядоченном, холодном механизме вдруг вспыхнула шаровая молния. Большинство душ, попадающих сюда, угасают. Их эмоции тускнеют, растворяясь в вечном сумраке. Ее же, напротив, разгораются ярче.

Это было... любопытно. Ее ненависть была чистой и острой, как осколок льда. Она не боялась меня так, как боятся добыча хищника. Она ненавидела меня так, как ненавидят осквернителя, разрушителя ее мира. И эта ненависть была направлена не вовне, а внутрь, становясь ее новым стержнем. Я сломал ее покорность, но взамен создал врага. Врага, который полностью в моей власти. Идеальная расстановка сил для долгой, увлекательной игры.

Два дня я не звал ее. Я дал ей время побыть наедине со

своей ненавистью, позволил этому новому чувству укорениться в ней. Я наблюдал за ней через водное зеркало. Она почти не ела ту еду, что приносили ей тени, лишь пила воду. Она не плакала. Она просто сидела часами, глядя на узоры на ширме, и я знал, что за этой внешней неподвижностью скрывается буря мыслей. Она искала выход, искала слабость, искала оружие. Наивная девочка. Единственное оружие здесь - это я.

На третий день я решил, что пора для следующего урока. Урока о тщетности.

Я велел привести ее ко мне. На этот раз не в трапезный зал, а в мой личный сад. Мою гордость.

Она вошла, ведомая тенями. На ней было другое ханьфу, которое я велел для нее приготовить - из бледно-серого шелка, цвета утреннего тумана. Оно делало ее похожей на призрак. Глаза у нее были чуть припухшими, но взгляд - твердый и холодный. Она больше не смотрела в пол. Она смотрела прямо на меня, и в ее темно-карих глазах плескался вызов.

- Прогуляйся со мной, - сказал я, не предлагая, а приказывая.

Я повел ее по извилистым дорожкам, вымощенным от-

полированными до зеркального блеска речными камнями. Мой сад не похож на сады смертных. Здесь нет жизни в их понимании. Вместо деревьев - гигантские кристаллические образования, что растут из земли, медленно, на один цунь за столетие. Их грани преломляют мертвый свет звезд, создавая радужные блики на черном мхе. Вместо цветов - каменные бутоны, выточенные самой вечностью, и соцветия из тончайших серебряных нитей, что тихо звенят, когда мимо них проходишь. Здесь нет пения птиц. Только тишина. Абсолютная, всепоглощающая тишина.

Мы остановились у центральной композиции - огромного, идеально гладкого шара из черного обсидиана, покоящегося на ложе из белого песка, каждая песчинка которого была когда-то сломанной костью.

- Нравится тебе мой сад? - спросил я, наблюдая за ее лицом.

Она долго молчала, обводя взглядом эту холодную, неживую красоту. Я ожидал услышать испуганный шепот или вежливую ложь. Но она снова меня удивила.

- Он мертвый, - сказала она тихо, но отчетливо. - В нем нет души. Красивая гробница.

Я рассмеялся. Тихий, холодный смех, который был здесь неуместен, как цветок на снегу. Это было первое проявление эмоции, которое она видела у меня.

- Душа - удел смертных, Сяо Мэй. Душа - это слабость. Она гниет, она страдает, она умирает. А эти камни... они вечны. Они были здесь задолго до того, как твой первый предок научился разжигать огонь. И они будут здесь, когда последний потомок твоего рода обратится в прах. Это - истинная красота. Красота неизменности.

Я подошел к ней ближе, вторгаясь в ее личное пространство. Она не отступила, лишь напряглась, как струна гуциня. Я убрал прядь ее шоколадных волос с лица. Мои пальцы были холодны, как камни вокруг нас. Я почувствовал, как она вздрогнула от моего прикосновения, но не отвела взгляд.

- Твоя красота, твой гнев, твоя ненависть все это так мимолетно. Как лепесток жасмина. Он благоухает один день, а на следующий увядает и превращается в пыль. Я же предлагаю тебе вечность. Стать частью этой неизменной красоты.

Я наклонился к ее уху, мой шепот был едва слышен.

- Ты будешь моим самым прекрасным цветком. Застывшим в камне. Неувядающим.

Я видел, как влага выступила в ее глазах, но она не позволила слезам пролиться. Она лишь крепче сжала кулаки, так что костяшки побелели.

- Я не камень, - прошипела она. - Я живая.

- Пока что, - ответил я, отступая на шаг. - Но ты в моем саду. А все, что попадает в мой сад, рано или поздно становится частью коллекции.

Я оставил ее там, одну, среди вечных камней и кристаллов. Я хотел, чтобы она прочувствовала это. Бесконечное одиночество. Величие смерти. Тщетность ее маленького, теплокровного бунта против вечного льда.

Пусть ненавидит. Ненависть - сильное чувство. Оно не даст ей угаснуть слишком быстро. А мне будет интересно наблюдать, как долго этот нежный цветок сможет противостоять вечности, прежде чем его лепестки обратятся в камень.

Глава 8. Песнь нефритовой флейты во тьме. Сяо Мэй

Он оставил меня одну в этом саду. Сад. Какая насмешка. Это было кладбище красоты, выставка смерти. Я стояла там, окруженная молчаливыми кристаллами и каменными цветами, и чувствовала, как их вечный холод проникает мне под кожу, пытаюсь заморозить сердце.

"Ты будешь моим самым прекрасным цветком. Застывшим в камне".

Его слова эхом отдавались в моей голове. Он не просто хотел владеть мной. Он хотел уничтожить меня, истребить саму мою суть, мою душу, превратить в еще один безмолвный экспонат своей коллекции. Его прикосновение все еще горело холодом на моей коже, его шепот леденил кровь.

Я вернулась в свои покои, но не могла найти покоя. Роскошная комната казалась такой же мертвой, как и тот сад. Я подошла к ширме, на которой был изображен туманный пейзаж. В моем мире художники часами сидели у ручья или в горах, чтобы поймать движение облаков, шелест бамбука, полет птицы. Они вкладывали в свои картины частичку жи-

вой энергии ци. А этот пейзаж был идеален, но статичен. В нем не было дыхания жизни. Как и во всем этом мире.

И тогда я поняла. Моя ненависть - это щит, но она разрушает и меня саму. Мои воспоминания, моя тоска по дому - это боль, но это и якорь. Якорь, который не дает мне раствориться в этом мертвом великолепии. Я должна держаться за свой мир. Не просто помнить его, а воссоздавать его здесь, внутри себя, внутри этой клетки.

Но как?

И тут я вспомнила. Музыка. В прошлой жизни я играла на гуцине. Но гуцинь — инструмент для умиротворения и гармонии. Сейчас моя душа требовала иного. Я вспомнила, как в детстве пастухи в полях играли на простых бамбуковых флейтах-дицзы. Их мелодии были то тоскливыми, то озорными, но всегда - живыми. Они были голосом ветра, шепотом травы, песней человеческого сердца.

Мне нужна флейта.

Эта мысль была такой дерзкой, такой невозможной, что я сама испугалась ее. Просить что-то у него? У моего тюремщика? После того, как я бросила ему вызов? Это было бы равносильно признанию поражения, демонстрации нужды.

Но что, если что, если это не просьба, а требование? Не мольба, а условие моего существования? Я - его "игрушка", его "цветок". А игрушки иногда ломаются от скуки. Цветы вянут в тишине.

Я провела остаток дня и всю ночь, готовясь. Я репетировала в уме слова. Я укрепляла свою решимость. Это был огромный риск. Он мог отказать, мог наказать меня за дерзость. Но бездействие было бы еще хуже. Бездействие - это медленное превращение в камень.

На следующий день я ждала. Я знала, что он наблюдает. Я чувствовала его взгляд, даже когда его не было рядом. Когда тени-слуги принесли еду, я впервые за эти дни прикоснулась к ней. Я съела несколько странных, сладковатых ягод и сделала глоток воды. Мне нужны были силы.

И он пришел.

Он не вошел, он просто возник в центре комнаты, словно сгустившийся сумрак. На нем было простое темное ханьфу, без вышивки. Он выглядел почти как человек, если бы не золотые глаза.

- Ты решила поесть, - констатировал он, не спрашивая. В

его голосе не было ни одобрения, ни удивления.

Я встала и, собрав все свое мужество, сделала то, чего не делала с момента нашего ужина. Я поклонилась. Не глубоко, не подобострастно. А так, как кланяются равному, выказывая формальное уважение.

- Владыка.

Он слегка наклонил голову, в его глазах мелькнуло что-то похожее на интерес.

- Ты чего-то хочешь, Сяо Мэй. Говори.

Мое сердце забилося так громко, что, казалось, он должен был его услышать.

- Я не камень, - повторила я свои слова, сказанные в саду.
- Я не могу жить в полной тишине. Это убьет меня быстрее, чем голод. Мне нужен голос.

- У тебя есть голос, - ровно ответил он. - Ты просто не хочешь им пользоваться.

- Мне нужен другой голос. Голос моего мира. Я прошу - я запнулась, слово "прошу" застряло в горле. - Мне нужна

флейта.

Наступила тишина. Такая глубокая, что я слышала, как кровь стучит у меня в висках. Он смотрел на меня, и я не могла прочесть ничего в его золотых глазах. Казалось, прошла целая вечность.

- Флейта, - повторил он, словно пробуя слово на вкус.

Он сделал шаг ко мне. Потом еще один. Я заставила себя не отступать. Он остановился так близко, что я чувствовала холод, исходящий от его тела. Он поднял руку и провел костяшками пальцев по моей щеке. Его прикосновение было легким, почти невесомым, но от него по моей спине пробежали мурашки ужаса и... чего-то еще.

- Интересная просьба. Ты хочешь принести частицу своего шумного, хаотичного мира в мою упорядоченную тишину?

- Я хочу не сойти с ума, - честно ответила я.

Он усмехнулся. Уголки его губ едва заметно дрогнули.

- Хорошо. У тебя будет флейта. Но при одном условии.

Я ждала, затаив дыхание.

- Ты будешь играть только для меня. Когда я этого пожелаю. Твоя музыка будет принадлежать мне, как и ты сама.

Это была ловушка. Он превращал мое оружие в еще одну цепь. Но у меня не было выбора.

- Я согласна, - прошептала я.

Он кивнул и исчез так же внезапно, как и появился.

Я осталась одна, дрожа всем телом. Я победила? Или проиграла еще сильнее?

Через некоторое время одна из теней принесла мне флейту. Она была сделана не из бамбука, а из гладкого, прохладного нефрита бледно-зеленого, почти белого цвета. Она была изящной и совершенной, но холодной на ощупь, как и все в этом мире.

Я поднесла ее к губам. Мои пальцы сперва не слушались, но потом я вспомнила. Я сделала вдох и выдохнула первую ноту. Звук родился в мертвой тишине моих покоев. Он был чистым, высоким и бесконечно печальным. Это была песнь о потерянном доме, о солнечном свете, о запахе жасмина. Это

была песнь моей души.

И я знала, что он слушает.

Глава 9. Несовершенная мелодия. Фэн Ли

Звук.

Впервые за бесчисленные века в коридорах моего дворца раздался звук, не рожденный моей волей. Не шелест теней, не гул силы, не тихий звон кристаллов в саду. Это была музыка.

Я сидел в своем тронном зале, созерцая неподвижные звезды на потолке, когда первая нота пронзила тишину. Она была чистой, высокой и хрупкой, как первый лед на осенней воде. Я тотчас понял, что это она. Сяо Мэй. Играет на нефритовой флейте, которую я ей дал.

Я ожидал услышать простую, незамысловатую мелодию. Возможно, жалобную песнь пленницы. Но то, что я услышал, было иным. Это была не просто мелодия. Это был рассказ. В каждом переливе звука я слышал шелест бамбуковой рощи под ветром, в быстрых трелях - пение цикад в жаркий полдень, в протяжных, печальных нотах - запах цветущего жасмина и тепло человеческих рук. Она не просто играла. Она воссоздавала свой мир здесь, в сердце моего царства.

Она пыталась оживить мертвый воздух воспоминаниями о солнце.

Это дерзко. Невероятно дерзко.

Часть меня, та, что является Владыкой Юду, требовала немедленно пресечь это. Заставить ее замолчать. Забрать флейту и бросить ее в реку Забвения. Ее музыка была вторжением. Ярким, теплым, живым пятном на моем безупречно холодном, упорядоченном полотне.

Но другая, более древняя часть меня... слушала.

Эта мелодия, полная жизни и утраты, всколыхнула на самом дне моей сущности нечто, что спало тысячелетиями. Пыль веков. Воспоминания, что древнее этих стен, древнее даже самого имени Фэн Ли. Я почти забыл, каково это - чувствовать тепло солнца на коже, а не только видеть его холодный отблеск в мире смертных. Я почти забыл, что когда-то и у меня был мир, наполненный звуками и запахами. До того, как я стал тем, кто я есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.